Российская Академия Наук

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии Наук

Война в сложном мире
Деструкция и порядок

О гибридной метаморфозе, сложной реальности, производстве неопределенности и недостатках стратегии апгрейда

Александр Неклесса

ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия

www.intelros.ru

МОСКВА 2016

Российская Академия Наук

Научный совет РАН «История мировой культуры»

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, к.724, тел./факс (495) 995-14-52, e-mail: intelros@intelros.org

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации РАН (Рабочие материалы). Вып. №3 (78) май-июнь 2016

УДК 32(327) + 35(355) ББК 63.3 + 66.4 (0) Ф 40

Александр Неклесса. Война в сложном мире. Деструкция и порядок / Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Вып. №3 (78) май-июнь. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия 2016. – 16 с.

Человечество в борьбе за будущее продуцирует инновационные формы организации. Постсовременность преобразует пространства гражданских и боевых операций, формируя новую норму. XX век был веком перманентной революции, XXI столетие рискует стать временем перманентной войны. Гибридная война – синтез агрессивных действий с использованием широкого спектра средств, создающих сложные комбинации прямых и косвенных угроз с целью реорганизации существующего либо утверждения иного порядка.

Научное издание

Рабочие материалы издаются в рамках программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (реализуемой при поддержке группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия» и клуба «Красная площадь») для ознакомления членов Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Издание носит некоммерческий характер.

© текст: Александр Неклесса, 2016

© фото на обложке: Елизавета Неклесса, 2016

© оформление: ИНТЕЛРОС, 2016

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации образована в октябре 2002 года (постановление Президиума РАН №285 от 8.10.2002).
Серия «Д» – доклады руководителя Комиссии

ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия

МОСКВА 2016

Александр Неклесса*

ВОЙНА В СЛОЖНОМ МИРЕ

ДЕСТРУКЦИЯ И ПОРЯДОК

О ГИБРИДНОЙ МЕТАМОРФОЗЕ, СЛОЖНОЙ РЕАЛЬНОСТИ, ПРОИЗВОДСТВЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕДОСТАТКАХ СТРАТЕГИИ АПГРЕЙДА

Беседовал главный редактор журнала «Конструирование будущего» Николай Ютанов

И сказал Ламех женам своим: Ада и Цилла! послушайте голоса моего; жены Ламеховы!
внимайте словам моим: я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне.
Если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро.
Быт. 4:23, 24.

НЮ – Последний номер «КБ» был посвящен стратегиям, а стратегия – порождение военного дела, просто по происхождению. Хотелось бы поговорить с Вами о войнах и переменах, происходящих с войнами. В чем специфика войны в нынешнем мире – какое у нее лицо сейчас?

АН – Иное, нежели прежде. К тому же у этого феномена и так много граней. Война – хирургия перемен, раздор порядка, форма результирующего насилия, эксцесс властного диалога, столкновение власти с властью, кризисная самореализация политорганизма, чреватая хаотизацией. Это парадоксальное соединение противодействия и ограждения жизни в критических обстоятельствах, сопряженное с метафизикой человеческой природы и дискурсивностью изъявлений зла.

Война – одна из констант истории, но ее лик изменчив. Битвы древнего мира и боевые порядки античности, регламенты средневековых баталий и сражений эпохи Просвещения, тем более современности – различаются весьма заметно, однако перемены в их специфике, пожалуй, менее существенны, нежели та сумма трансформаций, которая творится сейчас. И та, которую еще предстоит пережить.

Привычное клише «человечество переходит от индустриальной цивилизации к постиндустриальной», если приглядеться, механистично и схоластично. Констатируя перемены, оно не характеризует субстанцию, сущность, статус нового мира. Равно как не способствуют этому другие распространенные префиксы, наподобие «нео» или «транс». Пожалуй, самой краткой, но содержательной дефиницией реальности, наблюдаемой в становлении, является «сложный мир» как пространство перманентного углубления, ветвящейся реконструкции, где субъекты, события, институты преображаются, обретая комплексный характер. В том числе – война. В эпоху Модернити эта предельная форма силового конфликта была институализирована в соответствии с индустриальным форматом цивилизации. Сегодня же в ситуации универсального транзита не только совершенствуются вооружения и переписываются военные уставы, меняется само понимание деструктивного феномена.

До гуманитарной катастрофы XX века война обладала определенной легитимностью, динамика мира корректировалась войной. В индустриальном обществе она обретает черты индустриального предприятия: обзаводится стандартизованной техникой, высокотехнологичной логистикой, специфической бюрократией, подробными военными прописями и правовыми

* Руководитель группы ИНТЕЛРОС («Интеллектуальная Россия»), заведующий Лабораторией «Север – Юг» ИАФРРАН. В прошлом управляющий Службы стратегического анализа МАПО МИГ, эксперт Совета Обороны РФ.

регламентами. Однако после атомной бомбардировки Японии война эпохи индустриализма ощутила свой потолок и одновременно – обрела новые горизонты: оружие Судного дня предопределило поиск иных средств и форм силового противостояния. Ядерный stumble block породил, в частности, феномен Холодной войны («мир, который не есть мир»), создавая и совершенствуя косвенные, ползучие, гибридные формы противоборства – расплодив на планете локальные войны и периферийные конфликты разной степени интенсивности: Корея, Вьетнам, Африка, Ближний Восток... Холодная война в каком-то смысле уже была транс-ядерной, т.е. ее сценарии, конечно, учитывали возможность применения ракетно-ядерного оружия, но строились таким образом, чтобы избежать подобной смертельно опасной коллизии.

Сегодня военное противоборство, трансгрессируя обретенный цивилизацией барьер (делегитимацию и криминализацию войн), избегает по возможности официального декларирования и открытого применения национальных вооруженных сил, трансформируясь в синтетическое межведомственное и по возможности обезличенное действо. Пересматривается и формат прямого боестолкновения – предпочтение отдается дальнодействующим, высокоточным межвидовым средствам, применяемым в различных операционных средах. А в сценариях вероятных конфликтов в предвидении серьезных перемен больше внимания уделяется многомерности боевого пространства, нетрадиционным ситуациям и симбиотическим формациям. У этой трансгрессии имеется также негласный сумеречный аспект – устранение прописанных цивилизацией ограничений и правил проведения активных агрессивных операций, смешение военных и гражданских, легальных и криминальных форматов.

Об усложнении композиций военного искусства свидетельствует развитие профессионального языка. В военную теорию проникают такие понятия, как «проактивность», «неопределенность», «комплексность». Речь, по сути, идет об активной разведке будущего, его опережающем деятельном освоении. Анализируются отдаленные и гипотетические обстоятельства, определяются пути преадаптации, средства купирования тех кризисов, которые еще не произошли. Сценарная проработка возможных конфликтов в стилистике многозначности сопровождается превентивными акциями по искоренению опознанных угроз на стадии их зачатия. Еще одна актуальная категория – преэмтивность, корень слова – «пустота», т.е. имеется в виду выявление и заполнение релевантных ниш, которые противник не видит.

Изменение представлений о войне стимулируется перерождением феноменологии вооруженной борьбы. Война становится более изощренным, диверсифицированным искусством, сопряженным со становлением подвижного, комплексного мира с расширяющимся спектром возможностей и рисков. Объекты разной сложности подчиняются несовпадающим законам, военная теория индустриального толка критикуется и корректируется, стали модными китайские исторические трактаты, в которых постулируется, что воевать на поле боя – дело неудачников в политике и стратегии. Прежнее целеполагание, связанное с обретением прямого территориального контроля, оказывается своего рода обузой, требующей излишних усилий, выкачивающей ресурсы и ограничивающей свободу действий.

Происходит переосмысление оккупации как социокультурной реконструкции, и как результат – уклонение от физического овладения территорией и прямого боевого столкновения, хотя рецидивы случаются. Примером такого территориально-властного мышления явилась недавняя Крымская операция, спланированная и реализованная в геополитических категориях, в то время как правовая, геоэкономическая, геокультурная проблематика остались на периферии рассмотрения и стратегирования. Клаузевиц, кстати, хорошо понимал, что в войне речь идет об эффективной кризисной реконструкции: в своей основе это проецирование воли, имеющее конечной целью установление иного порядка.

ВЛИЯТЕЛЬНАЯ ТЕНЬ И ЕЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ АКТИВЫ

НЮ – Большинство экспертов и специалистов говорят сейчас о новой технологической платформе для ведения военных действий. Огромные боевые роботы, рои роботов, беспилотные аппараты – и наземные, и летательные, и водные. Насколько новые технологии изменят облик войны, и как они скажутся на военных стратегиях?

АН – Индустриальная цивилизация произвела на свет высокотехнологичную деструкцию. Но в постиндустриальном понимании техника уничтожения не самое главное. Да, растет эффективность традиционных вооружений, совершенствуется оружие как массового, так и селективного поражения, высокоточное, противоракетное, развиваются средства радиоэлектронного воздействия, создаются роевые системы, разнообразные дроны, экспериментальные образцы «разумной пыли», другие дистанционные, роботизированные средства рекогносцировки/поражения, информационные платформы, интегрированные с автоматизированной боевой сетью, экзотичное умное оружие: автономные системы, снабженные искусственным интеллектом. Совершенствуется также мобильное оружие для локальных и самостоятельных боевых групп. Однако в войну нельзя играть одной мастью – только «пиками», козыри также переменчивы – исключительное внимание к технике, ориентированной на прямое нанесение ущерба и деструкцию, все же особенность индустриального понимания войны. Кроме того имеет место определенный социокультурный диссонанс: оружие индустриального и биполярного мира не вполне соответствует миру с распределенным множеством угроз.

У военно-технической логистики возникают свои серьезные проблемы. Кстати, в ряде случаев требуется не только усложнение, но и упрощение применяемых платформ. Увеличение же закупочных цен на новые образцы оружия устойчиво превышает темпы роста военного бюджета, а стоимость обслуживания растет еще быстрее, причем большая часть этой техники никогда не используется на поле боя. Смысл боевого инструментария – обеспечить победу в конфликте. Но что если переосмысленные цели отчасти или даже преимущественно могут достигаться за счет применения средств, не из реестра привычных вооружений? В таком случае логична переоценка номенклатуры инструментария и объемов его производства, что, конечно, является проблемой и закладывает предпосылки серьезных противоречий.

Военная машина – это мощь, способная воздействовать на обстоятельства, не только извергая огонь и железо, но отбрасывая влиятельную тень. Сегодня опознаются и апробируются средства господства, выходящие за рамки традиционных боевых регламентов. Внимание уделяется опережающим разработкам, адаптации технологий, перетекающих в военную сферу из гражданской, включая информационные и высокие гуманитарные технологии – high hume. К процессу привлекаются различного рода частные предприятия, интеллектуальные корпорации, венчурные организмы. Расширился диапазон противоборства: к ареалам суши, моря, воздуха, космоса добавилось киберпространство, в процессе становления – психолого-социальный домен.

Особый кластер инновационных технологий и механизмов – средства господства, реализующие универсальную транспарентность: программирование взаимопроникающих пространств (pervasive computing), системы глобального мониторинга и коммуникации (planetary skin), интеллектуальные (активно-адаптивные) навигационные структуры с дополнительными функциями, сопряженные с геопространственной разведкой (geospatial intelligence), способные к широкому охвату целей и непрерывному наблюдению. Это также совокупность информационных структур (global information grids), обеспечивающих наблюдение за почвой, атмосферой, промышленными выбросами, электропотреблением, геологическими и климатическими процессами, инженерными, технологическими, финансовыми, социальными,

антропологическими ситуациями при помощи спутниковых и наземных систем мониторинга, включая данные радиочастотных идентификаторов и наноразмерных датчиков.

Постсовременная война обновляет инструментарий, обретая не только сложную технику или комплексные технологии, но также компетентных профессионалов: сложноорганизованных солдат, операторов и командиров. Поддерживать синергийный тип военной организации возможно лишь при наличии суммы определенных человеческих качеств и существенного культурного капитала, особенно в форме неявного/личного знания, моральной устойчивости, когнитивных способностей, адаптации к длительному нервному напряжению и пиковым перегрузкам, интеллектуальных преимуществ и кросс-культурных компетенций. На подходе (в экспериментальной фазе) психофизическое модулирование. В военных операциях существенным преимуществом является присутствие дивергентных профессионалов – хорошо вооруженных и защищенных людей, владеющих не только военными искусствами, но также другими квалификациями, составляя в сумме пластичные модульные организмы, способные оперативно купировать чрезвычайные и нестандартные угрозы, ориентироваться (в том числе в многомерной городской геометрии), адаптироваться, совмещать и замещать компетенции, неоднозначно мыслить и автономно действовать в ситуациях неопределенности.

Война – разрушительное усилие, т.е. сумма действий, опровергающих сложившиеся обстоятельства. Ключевой вопрос – конечная цель военных усилий и траектория ее достижения. При планировании кампании могут быть применены различные по эффективности методологии анализа-действия-управления. После «горячей» мировой войны прошлого века сменилось несколько методологических платформ, связанных с анализом многофакторных ситуаций и управлением масштабными событиями: исследование операций, системный анализ, системная (индустриальная) динамика, управление матричное, косвенное (рефлексивное, точечное, поведенческое), самоорганизующаяся критичность, синергийное (переход от поведенческих аттракторов к ценностным). На основании данных методологий создается методический и технологический инструментарий, применяемый при разработке и реализации операций.

НЮ – А можно примеры? Особенно про «верхние этажи».

АН – Например, в операции «Буря в пустыне» использовалась методика рефлексивного управления противником – учет ментальности Саддама Хусейна, предполагая высокую вероятность существенного изменения им характера иракской обороны при признаках продвижения войск США в направлении не Кувейта, а Багдада. Однако движение американских частей, якобы направленное в центр страны, образовало дугу, вонзившуюся в оборону оккупированного Кувейта, действительно ослабленную из-за перегруппировки элитных частей. В результате цели кампании были достигнуты без сколь либо существенных потерь.

НЮ – А вторая кампания? Там же явно другая схема.

АН – Во время второй иракской кампании («Иракская свобода») также применялись оригинальные методики, в частности связанные с точечным («акупунктурным») управлением, к примеру, блокированием счетов избранных лиц, сопровождавшимся указанием на линию поведения, необходимую для их разблокирования. В результате собственно военная кампания по полному разгрому иракской армии была проведена за три недели. Однако ее генеральные цели были спланированы в рамках прежней военно-политической логики и соответствующих схем.

Операции на Ближнем Востоке, в определенном смысле не имели временной границы. Скорее они вписывались в стратегический дизайн, представляя звенья, опорные площадки гибкой системы управления, состоящей из следующих элементов:

- поддержание высокой боеготовности элементов войск, находящихся в условиях практически перманентной мобильности или боевых действий низкой интенсивности;
- внешний контроль над ключевыми/критическими зонами и окружающей средой, сохранение быстрого доступа в горячие точки;
- выстраивание синкретичных коалиций, отлаживание коммуникации и синергийного взаимодействия различных сил и агентств в агрессивной среде;
- апробация инновационных методов проведения боевых, разведывательных и логистических операций, включая нетрадиционные; испытание техники и вооружений;
- использование частных военных корпораций, создание конъюнктурных оперативно-тактических союзов и гибридных коалиций.

В пределе же важна не «полная и окончательная» победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перехват и удержание стратегической инициативы, создание инфраструктуры координации, контроля и управления в подвижной, децентрализованной среде – там, где «события руководят планами». При этом возможен пересмотр принципов физического, территориального доминирования, в результате чего значительная часть военной нагрузки может быть передана союзникам и партнерским коалициям. Боевые и технические задачи могут решаться даже теми силами, которые в прежних сценариях расценивались как противники. То есть сегментированный «противник» отчасти сам выполняет комплекс операций, особенно тех, которые по тем или иным причинам избыточно обременительны.

НЮ – Ну, ход достаточно понятен. Особенно если противник живет в другом типе войны.

АН – Исторические и политические ландшафты изменяются не только посредством войн, однако неумелая реконструкция может привести к прямому применению вооруженных сил. Стратегический просчет Сталина в свое время обернулся колоссальными человеческими и материальными потерями для СССР, примерно то же можно сказать о его послевоенной внешнеполитической растерянности, приведшей к Корейской войне и вписавшей страну в невыгодный контур мировых связей. Кризисы 1953-го, 1956-го, 1962-го, равно как и 1966-68 годов предполагали выбор путей в будущее, что отразилось в серьезных, хотя и подковерных, схватках элиты… Если же оглянуться на недавнее прошлое, можем вспомнить 2003 год, когда Россия, Франция и Германия оказались солидарны в негативном отношении к перспективе новой иракской войны, и проступал облик иной Европы, нежели мы видим сегодня.

Или обратимся к коррективам, которые вносит сейчас в проблематику мироустройства доктрина Обамы. Соединенные Штаты вплотную приблизились к ресурсной независимости, включая энергоресурсы (по крайней мере, в рамке американского континента), что стимулирует снижение глобальной военно-полицейской активности, особенно, когда та или иная ситуация не представляет непосредственной угрозы национальной безопасности. Императивом века становится не наличие традиционных ресурсов, но технологическое и антропологическое продвижение, экономики же ранжируются в соответствии с индексом их сложности, а не в категориях ВВП и подобным. Впрочем, это, наверное, уже другая тема, «другая история», как приговаривали любимые Вами братья Стругацкие.

Еще одна паравоенная повестка – экспансия трансграничного терроризма, использующего преимущества распределенной организации и сетевого «управления дикостью» (*undernet*), что повышает его адаптивность и эволюционные возможности. Тему «шахидизма» как *антропологического оружия* вряд ли следует рассматривать в качестве исключительно исламистского явления, корни феномена глубже, а перспективы шире. Это может быть, к

примеру, атомизированный суицидальный терроризм, не имеющий прямого отношения ни к одной из идеологических или конфессиональных доктрин, будучи симптомом универсальной актуализации культуры смерти. Квази-ислам вероятно инициирует еще более опасные формы агрессии по отношению к современному обществу и цивилизации, колонизируя земли, где конфессиональные или социальные мотивы замещаются психологической доминантой. Подобное расширение военной/паравоенной проблематики предполагает различение и сопряжение социализации и персонализации, жертвенности и ярости, насилия и усилия, воплощаемых действием, словом, мыслью.

ВОЙНА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

НЮ – Полвека назад Герберт Маршалл Маклюэн писал: «Истинно тотальная война – это война посредством информации. Ее незаметно ведут электронные средства коммуникации – это постоянная и жестокая война, в ней участвуют буквально все. Войнам в прежнем смысле слова мы отводим место на задворках вселенной». В современном подходе – это же не просто гипертрофированные пропагандистские сражения?

АН – Интересна двусмысленность, присутствующая в этих словах, учитывая сопутствующий тезису обертон – расползание горячих локальных конфликтов в те годы на «периферии человеческой вселенной».

Что же касается основной мысли Маклюэна, то она вполне отражает Zeitgeist информационной эпохи. Как в экономике произошел сдвиг в направлении неосязаемых активов, так и в иных сферах, включая военное искусство, наметилась экспансия творческих преобразований. Правда, возникает вопрос о соотношении реалий и метафор, различении борьбы и войны, силы и насилия. В пределах нового века «универсальная война» (если считать таковой) не ограничивается модерацией поведения и впечатыванием желаемого образа ситуации посредством коммуникаций. В ходе революции элит доминирование обретается все-таки не управлением стереотипами, но усвоением сложных практик, адекватных вскрывшейся нелинейности мира. Параллельно происходит размывание этического кодекса современности. Модификация среды вкупе с революцией сознания повышает вероятность аутотрансформации и универсального переворота (сингулярности). Актуализируется и другой аспект информации – обретение при помощи суммы технических устройств и технологий комплексного образа ситуации, позволяющего эффективно реализовывать управление событиями.

Популярная гибридная метаморфоза может рассматриваться как возникающее свойство – коррекция стереотипа летального, кинетического насилия за счет переосмысления феномена войны как новой универсалии и сопутствующей имплантации нетривиальных активов в ткань повседневности. Будущие битвы становятся более сложными, характер угроз – неопределенным, состав союзов – непостоянным. Перемены в пространствах «видимой брани» выявляют нетривиальные проблемы, формируют новую норму, стимулируют создание инновационных средств господства. Военные операции «будут осуществляться в незнакомой обстановке и в незнакомом месте. При этом армии будут противостоять неизвестные враги, входящие в неизвестные коалиции» (генерал Дэвид Дж. Перкинс). В постсовременной среде меняется сам язык войны, растет значение социальных взаимодействий, в том числе кодов дипластии и суггестии, скорости реакции, мастерства в создании ситуаций «превосходящих возможности анализа, прогнозирования, выработки правильных решений и их реализации» противником. Стремление к нанесению разрушений и потерь все более замещается захватом стратегической, психологической, информационной инициативы, фрустрацией противника, его моральным

сокрушением, организацией замешательства и конфликтов в круге лиц принимающих решения, подавлением воли, подведением к принятию критически неверных решений.

Вовлечение невоенных лиц и организаций в процедуры гибридных конфликтов стимулирует ревизию законов войны, пренебрежение ее традициями и ритуалами. Коррекция включает переоформление круга законных целей, статуса комбатантов, состава привилегированных и непривилегированных страт. И, коль скоро существенно меняется статус средств информации, то естественно, что происходящие в военной сфере изменения затрагивают не только, скажем, дистанционных операторов, находящихся на территориях других стран, или руководителей операций двойного назначения, но также, к примеру, военных корреспондентов.

НЮ – То есть война становится этакой непременной и универсальной технологией? В свое время было конверсировано понятие стратегии, которые с легкой руки Мацушиты Кооносукэ быстро вошли в практику мирной жизни. Сформировался другой тип мышления, ориентированный на цели, задачи и пути их решения.

АН – Я бы сказал несколько иначе: война обретает более широкий, нежели сугубо милитарный смысл. Этот процесс можно толковать двояко: (а) как силовую экспансию и экспликацию, то есть внесение в мирные виды деятельности сурового подтекста – опознание и использование их в качестве оружия; или же (б) воспринимать его как специфическую пасификацию, при которой качества и формат военных действий по-своему социализируются и гуманизируются. Дело тут, скорее, в степени удержания морального императива. Комплексный мир интегрирует то, что некогда было дисциплинарно рассечено: война, экономика, культура, индивидуальное и групповое развитие вновь сливаются в единый фрактальный континуум. В неотчетливой, синтетической вселенной ценности – источники социокультурной гравитации: целостность оказывается результатом непрерывного продвижения к цели, ее постижения.

Художественные гештальт-интерпретации провоцируют и опережают аналитический дескрипт подобно превосходству «жуткого дальнодействия» (*spukhafte Fernwirkung*) над процессами с темпоральной компонентой (к примеру, связанными с вычислением). Военное искусство как агрессия, так и борьба с напастью – составная часть человеческой природы, действие, в конечном счете, обращенное на самого носителя несовершенных свойств и совершенствуемых умений: сопряжение оголодавшего либо уязвленного естества с земным или трансцендентным ему сопротивлением. С этой точки зрения война, будь то усилие или насилие, принуждение или сопротивление, уже от века разлита во всех формах человеческой деятельности. В контексте универсального усилия категория победы утрачивает значение события, обращаясь в последовательно-динамичную, эмерджентную категорию.

НЮ – Как на этом фоне выглядит Россия? Есть ли у нас методы, методики, технологии, сравнимые с теми, которые применяют США?

АН – Речь идет не только о методах/технологиях, однако, в этом месте беседы, чувствую, нужно сделать шаг в сторону. Мы оперируем понятием «сложность», но, боюсь, как бы не возникла аберрация в восприятии данной категории. Сложная система – это не запутанный блужданиями в дурной бесконечности лабиринт и не свалка неразобранных проблем и событий, а весьма специфичная, развивающаяся динамическая организация, управляемая за счет познания/признания непростых, неочевидных, странных закономерностей бытия. Ее отличительные свойства: способность к обильному производству разноречивой информации, самоусложнению и самоорганизации, наличие фактора неопределенности (протейную природу подобных систем недавно зримо продемонстрировали эксперименты с плазмой в космосе). Если сложность и предстает перед нами как хаос, то это беременный хаос, в подвижных очертаниях

которого присутствует иной, нежели ранее известный порядок. Со времен Луи де Бройля и Эдварда Лоренца данная проблематика стала одним из генеральных направлений исследований.

Человеческий интеллект способен преодолевать шаблоны сознания, вскрывая неоднозначность того, что представляется простым и очевидным, постигая умом комплексный характер реальности, физической и социальной, которая зависит от позиции и намерений соучастников-наблюдателей. Процесс отчасти подобен подстриганию английского газона, он требует сосредоточения опыта и персонального мастерства, но также – подлинности в промыслении оснований и непредвзятости в представлениях будущего естества. Прежняя система при этом пытается репрессивно контролировать, порою прямо подавлять развивающуюся и самоорганизующуюся сложность.

Критически важно вовремя отличить актуальную повестку дня от ложной. Продвижение в будущее в России в последнее (продолжительное) время мыслилось и декларировались как обустройство улучшенной версии настоящего, т.е. в русле редуцированного концепта развития – аморфно-позитивных (статичных) представлений о стабильности и попыток апгрейда прошлого в стилистике индустриально-экономических реформ. Настораживает, однако, умножение симптомов неоархаизации. Пример отягощенной редукции целеполагания я уже, кажется, приводил, обмолвившись об экономистичном подходе к исчислению развития, причем на основе дремучих показателей, наподобие ВВП, но разве развитие страны/народа сводимо к экономике, да и достижения экономики – лишь к росту ВВП? Экономика суть деятельное производное от состояния общества. С российским ВВП вообще забавно выходит. Люди при относительно небольших затратах извлекают из земли то, что в ней находится, получается же, будто они это измыслили-изготовили-произвели, что лишний раз подтверждает – ВВП негодный инструмент. Экономика высокого уровня, чреватая инновациями и экспансией – продукт сообщества, адаптированного к сложной деятельности, обладающего актуализированным человеческим, интеллектуальным и культурным капиталом, соответствующей инфраструктурой. И не экономика сама по себе является главной целью развития, она скорее выражает достигнутый уровень власти над природой/житейскими обстоятельствами, являясь, по сути, инструментом. Данное рассуждение – маргиналия на полях нашей беседы, это проекция более обширной темы, но и в экономике виден тот же вектор перемен – ключевая роль нематериальных активов, особенно человеческих и культурных. А вот тут у России как раз проблема.

Транзит от индустриализма modernity к нелинейной действительности происходит на наших глазах, но не в России. Страна, как и ряд иных сообществ, оказалась в полосе отчуждения от постсовременности и, судя по всему, пребывает в интеллектуальной и социальной растерянности. Альтиметрические российские элиты ощутили оскомину от непростого искусства управления в комплексной среде: они, в целом, не обладают необходимым уровнем культуры/образования, альтруистическими или отчетливыми моральными качествами, карьерные траектории сложились во многом волею обстоятельств, а не профессионального мастерства. При этом, фактически, нет ни общей, ни профессиональной интеллектуальной инфраструктуры соответствующего класса, существует также сумма барьеров между личным творчеством и социализацией результатов. Кроме того, аморализм и короткий, оперативно-тактический горизонт планирования сами по себе чреваты негативными следствиями: постиндустриальной контрреволюцией, деградацией культурного капитала, профанацией и утратой идеалов – универсальными ценностями становятся денежный доход и авторитетная чиновничья позиция. Россия в итоге пребывает в очаровании методов XIX – первой половины XX века. Воевать «против кого-то» – ментальность рефлекторного типа, в то время как настоящая проблема – проникновение в будущее и его эффективное освоение.

Интеллектуальное и моральное банкротство влекут поражение. Образно говоря, страна – это не площадь неба, а сумма звезд. Разновекторный, экстенсивный статус конфронтации – субститут, псевдоморфоза суперпозиции: это *туман мира* как симптом погружения в неопределенность «ни мира, ни войны». Отыскивая объяснительную предпосылку, в пору задуматься о схожести (когерентности) нелинейной политологии с постулатами неклассической физики. Кстати, нынешний министр обороны США Эштон Картер имеет два высших образования: он специалист по средневековой истории и доктор теоретической физики.

НЮ – Что ж, все происходит в точном соответствии с теоремой Гибсона: «Будущее уже здесь, просто оно неравномерно распределено». Мир же принципиально неоднороден, и пространственная локализация разных фаз развития – тоже.

АН – Или, если развернуть тезу, футур-история как продвижение в инакость формируется в центрах – узлах, где сплетены нервы мира и творится будущее. Оттуда оно распространяется по планете – обретается партнерами, которые соучаствуют в производстве, но не инициируют его; потребителями, которые усваивают прописанную им версию; наконец, теми, кого данный процесс вытесняет на пепелище истории, отчуждая от будущего.

Время стимулирует относится к положению вещей как транзитной категории. Будущее отрицает прошлое, проращивая – т.е. утверждая – рассеянное в *нынешнем* множество *настоящего*. Как результат, творятся метаморфозы, хотя не сразу и не всегда очевидные, конструктивные и деструктивные. В цивилизационной ткани образуются прорехи, в их числе травматические инклюзии наподобие ДАЕШ/ИГИЛ (запрещенная в России организация – ред.) – пространства демарша против регуляций, своекорыстия и меланхолии цивилизации, подвижные территории, где материализуются глубины подсознания, агрессивно-эскапистские грезы в стилистике a la «Дюна». Присущие тому же ИГИЛ активизм, акционизм, утопическая футуристичность, элементы политического франчайзинга и даже спорадически взлетающие «черные лебеди» вызывают резонанс, провоцируя возмущения в среде людей, фрустрированных изъянами нынешнего глобального сообщества.

Такие квази-государства – образования, в сущности, не столько фундаменталистские, сколько постмодернистские. Это «пена дней», в ИГИЛ даже ислам весьма специфический. На зыбкие территории стекаются люди, которых по разным причинам мейнстрим цивилизации активно не устраивает, и они ищут компенсацию в иных версиях реальности. Данные политико-психологические локусы – будь то ИГИЛ или Донбасс – контркультурный фетиш, который мыслится и реализуется симпатизантами и прозелитами как исход из постылого существования, экзистенциальный катарсис, транзит, конвертация безнадежного социального отчуждения в обнадеживающее культурно-конфессиональное, сопряженное с сепаратными картами будущего. Человеческая вселенная оказывается не многополярной, а многоуровневой, слоистой. И подобно физической вселенной или швейцарскому сыру – с червоточинами.

КИТАЙ, СТРАНА ОТЦОВ И ЛОВУШКА ГЕДЕЛЯ

НЮ – То есть, если обобщить, в ближайшем будущем нам потребуется полное переформатирование понятия «война» в массовом сознании? И с учетом неравномерности распределения будущего по территориям, и с учетом новых методологий?

АН – Описание это интерпретация, для эффективного поведения оно необходимо, однако недостаточно. Конструирование (прописывание) будущего сопряжено с проблемой: *настоящее будущее* – иное состояние человеческой вселенной по отношению к известному, но ложному,

нынешнему, но прошлому. Сознание не сталкивалось с массовым проявлением новой феноменологии, и ему неизвестны в полноте возникающие в подобной среде закономерности, а лапидарность объяснительных схем чревата головоломками. О правильности же стратегии можно судить, лишь зная, на что она нацелена. Между тем именно военному искусству свойственна презумпция реализма – слишком жестко здесь проверяются практикой идеи и предположения, военные лучше других знают темную сторону жизни. Этот специфический здравый смысл обоснован особым характером решений, ценой исполнения/неисполнения приказов, императивом инициативы при необратимости событий, болезненностью потерь, внезапностью неудач, синектрическими эффектами. Феномен войны приходится адаптировать и к положению вещей, и к возникающим обстоятельствам, причем оба регистра могут быть активированы одновременно. Стратегическое планирование существенно отличается от оперативного: доминанта первого – контекст, результативность второго – текст. Тактические и стратегические цели порой противоречат друг другу. Рефери тут – горизонт планирования.

И да, приходится размышлять, как именно будет происходить трансформация феномена, продолжим ли мы по-прежнему оперировать категорией «война» в грядущей исторической ситуации? Сегодня все чаще используются эрзац-определения: «асимметричный конфликт», «силовое противоборство», «принуждение к миру», «гуманитарная интервенция», «миротворческая», «стабилизационная» или «анти-террористическая операция» и т.д. Китайцы, признанные авторитетами в гибридных и теневых войнах, утверждали, что воевать нужно косвенно, без формальных деклараций, оттягивая начало собственно боевых действий, осуществляя, фактически, «реконструкцию реальности» как альтернативу «нанесению ущерба».

Кстати, в Китае в конце прошлого года в медиагруппе близкой к нынешнему руководству была опубликована статья «Реформа структуры, реформирующей систему, является самой важной» – о трех уровнях реформирования: технологическом, системном и структурном (интересно, что именно в Китае об этом зашла речь). Суть ее примерно такова: для эффективной адаптации к непростому, быстро меняющемуся миру главное не (а) *модернизация инструментов и технологий*, и даже не (б) *реформирование правил игры*, важнее всего – (в) *реформирование власти,* т.е. структуры, инициирующей, проектирующей и реализующей реформы.

Судьбоносные реформы реализуются усилиями элит либо авторитарной власти, при этом, однако, критически важна полнота национального консенсуса, умело сопряженного с ценностями общества и целями страны, а не интересами отдельных групп. Грамотная реструктуризация власти – ключевое условие успеха, и долг национальной элиты – создание умной прописи этой важнейшей реконструкции. От качества исполнения задачи, от того как промыслен, формализован и функционирует общественный договор – т.е. кем и по какой процедуре реализуется футур-экспансия – зависит возводится здание на скале или же на песке. В последнем случае, пребывая в геделевской ловушке, менеджер перемен будет в той или иной степени имитировать, а не эмитировать будущее, поскольку на деле он стремится удержать (а по мере возможностей и улучшить) ситуацию, сопряженную с преимуществами собственной позиции, т.е. фактически продлевая status quo. Сегодня даже те, кто в российской политике пытаются заниматься реформами, находятся в этой ловушке.

НЮ – Также как и в случае с новыми способами ведения войны напрашивается пример.

АН – Развитие как постижение и созидание сложной реальности аккумулируется и проявляется в культурных и антропологических результатах. Если «будущее уже здесь, просто оно неравномерно распределено», то из обителей количественного индустриализма люди (в персональном статусе) мигрируют в несуществующий до времени мир, где категория количества утрачивает былое значение, уступая первенство качеству среды и личности, что и является

источником/критерием перемен (т.е. преображение особей влечет эволюцию сообщества). Примерный аналог подобной ситуации – генетическая мутация в биологическом организме, когда уникальное (т.е. единичное) событие способно преобразить и преобразовать всю систему.

Ответ же на Ваш вопрос о социальной аппликации – формирование в теле распадающегося политорганизма контробщества, обладающего интеллектуальным и моральным превосходством. Дело, по-видимому, вот в чем: социосистема сложна по самой своей антропологической природе, поэтому как любой био(социо)ценоз чревата взрывчатыми фазовыми переходами. Иначе говоря, стратегирование должно быть диалогично и диалектично (причем с привкусом негативной диалектики), а не монологично и нормативно, т.е. реформы как структурный транзит предполагают испытание будущим, перманентный властный диалог, наличие критического класса. Эффективность системы сопряжена с развитием концептуальной разведки, механизмов самоорганизации и высокой адаптивности (жизнеспособности и вариабельности), а не просто с контролем, управлением и целеполаганием.

Решающую роль играет выбор доминанты: преобладание поисковой либо охранительной активности. Сегодня в логике российского законодательства заметно нарастание оборонного сознания, нацеленного, в частности, на консолидацию силовых и политических механизмов. Так, согласно введенному с 1 января с.г. «Плану обороны на 2016-2020 годы», при возникновении кризисной ситуации «наряду с Вооруженными силами, другими войсками и воинскими формированиями к территориальной обороне привлекаются силы и средства всех федеральных органов исполнительной власти, региональных администраций и местного самоуправления» (Валерий Герасимов). В данную логику вписывается также создание института Росгвардии, фактически соединившей военные и правоохранительные структуры.

Косвенный, но многозначительный симптом диссоциации: Джордж Буш-младший, который действовал в категориях апгрейда, России был внятен, а стратегию Обамы уже плохо понимают. Равно как и зигзаги нынешней президентской избирательной кампании в США.

НЮ – Есть ощущение, что проблема апгрейда – это проблема системная. Невозможно же пересобирать, конструировать будущее в какой-то одной части системы – и апгрейдить другую. Или вообще не апгрейдить.

АН – Ну, почему же, модель слоистого универсума как раз об этом – все дело в том, насколько целостной является система, или же речь идет о сумме сопрягающихся, однако, практически, автономных систем. Мир не без химеричности. Причем со-бытиё разнородных политорганизмов в одном хронотопе стимулирует не только технологическое развитие, но также цивилизационную коррупцию, портит историческое и этическое зрение, поощряет мимикрию, провоцируя демонстрационные эффекты. Вот опыт Северной Кореи у нас под боком – вполне отчетливый апгрейд, даже какой-никакой ракетно-ядерный прорыв реализован.

Практически все ситуации так или иначе разрешимы. Вопрос, как правило, не в том, имеется ли решение, вопрос в его цене и отдаленных следствиях. КБ, как я знаю, тесно связано с движением российских фантастов. Если не ошибаюсь, соотношение апгрейда как модернизационной иллюзии и действительного кризиса перехода одна из ключевых тем (если не основная) братьев Стругацких. Это не только рефлексия на тему практически универсального в их ментальной вселенной прогрессорства. Вот, к примеру, непростой эпизод из «Обитаемого острова»: оппозиция вкупе со Странником собирается свергнуть диктатуру Неизвестных Отцов, т.е. олигархию, однако мыслит власть, в сущности, в прежних категориях, совмещая понятия *власть* и ее *аппарат*, смешивая вплоть до аберрации суверенитет нации и статус носителей делегированных полномочий, извращая инаугурационный вассалитет. Поэтому у оппозиции и

нет желания отказываться от излучателей, обоснование чему – возможность коллективного безумия. Поясню, речь сейчас не о способе решения конкретной дьявольской альтернативы, а о соотношении повода и причины, основаниях и горизонтах политической позиции. На том этапе вроде бы вынужденной, однако, рискующей стать инвариантом, в то время как *настоящее будущее* предполагает антропологическую реституцию, т.е. консенсус на скальном основании. Власть метафизична, действительная катастрофа – крах мировидения, растрата и коррупция ценностей. Может поэтому Страна Отцов отсеченный (обреченный) «остров», хотя и обитаемый.

НЮ – А были ли в России попытки не апгрейда, а создания нового консенсуса?

АН – В начале прошлого века – системная революция, у которой было несколько движущих сил, в результате основной конфликт развернулся даже не с прежним властным субъектом, а между ними. В любом случае та революция предполагала реальную смену элит и версии нового общественного договора. Схожее ощущение неизбежности переворота было на излете 1980-х, однако в 1990-ых вместо трансценденции случился «противоход», почти как в «Обитаемом острове», сопряженный с девальвацией личности, ползучей санацией прав, дефицитом самоорганизации, уплощением народного представительства. А затем все пошло по накатанному маршруту, включая «сохранение излучателей», но в усовершенствованном, согласно логике апгрейда, виде. Однако система, которая себя перманентно реплицирует, пусть в иных личинах, внутренне существенно архаизируется – это ведь своего рода социальный инцест.

НЮ – И последний вопрос. Насколько длительным может быть процесс изменения мировой системы? Или хотя бы отдельных стран, той же России?

АН – История в слоистом мире имеет также пространственное выражение. Рассуждения на тему критического перехода – в рамках разговора о будущем – лет двадцать-тридцать тому были в России практической озадаченностью. Сейчас ситуация изменилась. Что же касается «мировой системы», ее предельный рубеж – грядущая сингулярность – новый формат личности и среды обитания (ценоза), предопределяемые все более сложным характером взаимодействий, комплексным, «дополненным» статусом реальности. Есть, однако, психологическая проблема. Трансформация нелинейна по природе и драматична по содержанию – это не продвижение куда-то, а несбалансированное изменение чего-то, столкновение с хаосом, мутация, преображение. Обострение ситуации ускоряет время и повышает риски. Будучи асимметричным и скачкообразным, не исключая инволюцию и рекурентности, процесс реализуется не в хронологической последовательности, по крайней мере, не для всей популяции, – время/история расщепляется на автономные локусы и разновекторные регистры.

Будущее со-существует с настоящим (и прошлым), сегодня мы живем в потоке галопирующих перемен с возрастанием ставок – даже не бифуркаций, а полифуркаций, представляем же транзит как тот самый апгрейд: движение из пункта А в конечный пункт Б. Иначе говоря, пребываем в ожидании результирующей стабильности, мыслимой как статичность, т.е. в своих ожиданиях и предпочтениях склоняемся, фактически, к карнавализации застоя. Примерно так в СССР и представляли коммунизм, хотя сам Маркс определял его иначе: не как состояние, а как «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»… Нас вряд ли ожидает переход к равновесному порядку. Скорее ойкумена будет окутываться усложняющейся оболочкой техносферы и пронизываться энергетикой перманентного транзита, конституируя неравновесный, слабоформализованный, динамичный статус антропологического империума, населенного многочисленными и разноликими индивидами – мир трансграничных существ и сообществ, реализующий потенции человека и мощь высокотехнологичного инструментария. Поэтому люди, наверное, так фантастику и любят. Поскольку она в книгах, а книгу можно в любой момент закрыть и поставить на полку.

Ключевые слова: *война, национальная безопасность, стратегия, трансформация, преадаптация, сложность, будущее.*
Key words: *sinews of war, national security, strategy, transformation, preadaptation, complexity, future.*

***Адрес для корреспонденции**: Александр Неклесса, Лаборатория «Север–Юг», Институт Африки РАН; Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1; neklessa@intelros.ru.

****Для цитирования**: Неклесса А.И. 2016. Война в сложном мире. Деструкция и порядок // Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. №3 (78) май-июнь. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛРОС–Интеллектуальная Россия – 16 с.

Сокращенные версии докладов по военной проблематике в 2015 году публиковались в бюллетенях Комиссии и в «Независимой газете»:

- Смысл слов. Государство, безопасность, война, вооруженные силы – все эти понятия отстают от реальности // Независимая газета. Идеи и люди. 16.03.2016.
- Гибридный мир и сирийская комбинаторика. XXI столетие может стать временем перманентной войны // Независимая газета. Идеи и люди. 16.12.2015.
- Гибридные войны. Облик и параметры вооруженных конфликтов в XXI веке // Независимая газета. Идеи и люди. 18.09.2015.
- Черные лебеди над Донбассом. Социальная турбулентность украинских событий и ее глобальный контекст // Независимая газета. Идеи и люди. 10.06.2015.

  Полный текст этого доклада на Специальном мероприятии XXV Экономического форума (8-10 сентября 2015, Крыница-Здруй, Польша) «Гибридная война. Облики и пространства вооруженных конфликтов в XXI веке» см. на сайте ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия (intelros.ru): Александр Неклесса. Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и чёрных лебедях над Донбассом // ИНТЕЛРОС/СИНЛА №3, Москва: ИНТЕЛРОС–Интеллектуальная Россия, 2015. – 24 с.

План семинаров «Нексус» (ИНТЕЛРОС–2016):

1. Сложность (сложный человек в сложном мире) – *январь*
2. Сингулярность – *февраль*
3. Искусственный интеллект – *март*
4. Трансфинитная экономика (числовой ряд как ЦБ, криптовалюты, идеология блока транзакций, n-мерные деривативы, универсальное страхование) – *апрель*
5. Тетраматрица знания, новые образы знания (неотчуждаемое, нерациональное, личное) – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
6. Формы сознания, разнообразие видов интеллекта, человеческие качества – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
7. Неординарные и искусственные способности, уникальные компетенции, психофизическое и генетическое модулирование – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
8. Прогнозирование и его актуальные формы (форсайт, транзакционное, генетическое, эволюционное, тетраматричное, синергетическое как «возникающее свойство») – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
9. Пайдейя (ЛИК): форматы образования и развития, типология элит (личность/интеллект/культура) – *сентябрь*
10. Смена методологий познания-действия-управления (с акцентом на методы косвенного управления); синергийное управление, неклассический оператор (переход от поведенческих аттракторов к ценностным) – *октябрь*
11. Антропо-социальные структуры (видовое разнообразие мироустройства, смена социоценоза) – *ноябрь*
12. Гибридная война (в понимании: сложная, комплексная, синкретичная, постсовременная), усилие и насилие – *декабрь*

PERSONALIA

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН), член Научного совета по религиозно-социальным исследованиям Отделения общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF), член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии», редколлегии журнала «Актуальные проблемы экономики и права».

Со-руководитель семинара «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН, Лаборатория «Север – Юг»). Руководитель междисциплинарного семинара «Нексус» (ИНТЕЛРОС – Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, являлся членом аналитической группы Совета Обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее»/FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор приблизительно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдейя (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015-2016), ИНТЕЛРОС (2003-2016).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология управления в ситуациях неопределенности; философия истории.

http://intelros.ru neklessa@intelros.ru

И 971. Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН (постановление Президиума РАН № 285 от 8.10.2002). Усл. печ. л. 1,75. Уч.-изд. л. 1,5. 13.06.2016.